

ТЕАТРАЛЬНЫЙ РАЗЪЕЗД

Рубрику ведет
Анатолий СМЕЛЯНСКИЙ

Траурные глаза

Осенью 1936-го Булгаков, едва покинув МХАТ, стал набрасывать что-то вроде романа под названием «Записки покойника». Избранные мхатчики приходили в опальный дом с хищным интересом: не терпелось послушать про себя и еще больше про своих товарищей. Павел Александрович Марков тоже приходил. Он оказался среди немногих счастливых, отмеченных знаком очевидного расположения. «Миша поразил меня своим смехом. Он начинал смеяться внезапно – «ах, ах, ах», – причем тогда все останавливали разговор и ждали. Когда же отсмеивался, то вдруг старел, умолкал.

«Какие траурные глаза у него, – я начинал по своей болезненной привычке фантазировать. – Он убил некогда друга на дуэли в Пятигорске, – думал я, – и теперь этот друг приходит к нему по ночам, кивает при луне у окна головою». Мне Миша очень понравился».

Я познакомился с ним в конце 60-х, когда «траурные глаза» Маркова стали известны театральному миру (через Булгакова, конечно). Он был ходячей легендой. Легенда шаркала своими натруженными ногами, с ней можно было поговорить обо всем на свете и даже выпить. Он был человеком театра до мозга костей. На снисходительный вопрос ученика, каким ветром занесло учителя в театр у Курского вокзала, отвечал просто: «Критик должен шляться». И он «шлялся» по театрам мира больше семидесяти лет. Иногда на плохих спектаклях он засыпал, думаю, не от старости только. Его несравненный опыт оберегал его зрительскую душу от отравления. Сидевшая иногда рядом с ним Мария Осиповна Кнебель будила его, а он отпучивался: «Маша, ты мне завидуешь...»

Он стал первым тенором московского критического хора еще в начале 20-х. Именно в этом качестве его разглядел Немирович и пригласил стать завлитом или – в терминологии «Театрального романа» – хозяином «аналитического кабинета». Марков и сплотившаяся вокруг него молодая компания решительно взялись перестраивать Художественный театр, только что вернувшийся из двухлетней американской экспедиции. Надо понять, что в Москву возвратилось абсолютно деморализованное войско. Марков привел тогда Булгакова, Леонова, Иванова, Катаева, Олешу, он возглавил «молодое руководство», которое стало «революционизировать» или «советизировать» МХАТ (тогда полагали, что это одно и то же).

Служение МХАТу определило драму его жизни. Он на себе испытал способность театра предавать и отторгать тех, кто отдал ему душу. В 48-м он уходил «без сохранения содержания». В конце 50-х был отправлен в окончательную ссылку. Тогда это называлось «на творческую пенсию».

Сколько же лет он не выносил сор из избы, которая уже выгорела изнутри. Вот документ 1935 года. Мхатчики «прорабатывают» речь Сталина перед выпускниками военных академий. От повестки дня, как водится, быстро отошли, перешли на свое. И вот тут вдруг наталкиваемся на публичную исповедь Павла Маркова. Художественный театр болен, его надо оперировать, а не лечить кислородом. Веры нет, осталась тупая служба. Марков вспоминает какого-то критика, который обнаружил в Лермонтове не «очарование», а «безочарование» и с жадностью хватается за слово, которое, кажется ему, имеет объясняющую силу.

Он сам был из тех верящих людей 20-х годов, у кого поменяли кровь. «Но мы разбили себе голову в Художественном театре», – обратился Марков к своим товарищам, тем самым, которые через двадцать лет отправят его в ссылку.

Он был надломленным человеком с какой-то своей тайной. Может быть, он всю жизнь преодолевал «безочарование», которое Булгаков обнаружил в его глубоко посаженных траурных глазах? В связи с «Театральным романом» он заметил, что это книга не столько о МХАТе, сколько о «недостатках театра вообще». Чем больше служишь в этом учреждении, тем с большей остротой понимаешь смысл наблюдения. Ведь язык не повернется сказать о недостатках «литературы вообще» или музыки. А про театр – точно, единственно точно. Как всегда у Маркова.

В конце марта Павлу Маркову – Мише Панину исполнилось 100 лет.

Моск. новости
- 1994 - 30 мар -
- Т2 - 62 гр -
- с. 21